

Серебряный кубок

Амурская легенда

На нашу заставу «Орлиный утес»,
 Что скрыта в березовых купах,
 Старик неизвестный однажды принес
 Тяжелый серебряный кубок.

Пришел он как будто из сказки какой,
 С Бовою самим одинаков,
 И голос его зазвучал над рекой:
 «Я — сын албазинских казаков».

Мне, бывшему воину, ложь не к лицу.
 В серебряном этом сосуде,
 Что шел по наследству от деда к отцу,
 Нашли диво-дивное люди...

Давно это было. Июльской порой
 Шестьсот сорок третьего года
 Казаков сибирских в поход боевой
 Якутский послал воевода.

Посадские жены кричали навзрыд,
 Людей провожая охочих.
 К Амуру, где эта застава стоит,
 Казаки поплыли на кочах.

Кого они встретят в чужой стороне,
 Каких там дождутся подарков?
 А кочи бегут и бегут по волне,
 Ведет их Василий Поярков.

Уже на исходе пожитки с казной,
 Но скрыта дорога во мраке.
 И голод, и холод, и ветер, и зной
 В пути испытали казаки.

Секла их дождями небесная твердь,
Под снегом они ночевали.
И многих застигла короткая смерть
В сугробах на зимнем привале.

И многие спят безвременным сном
В своей неуютной постели,
Где вьюги поют на просторе лесном,
Где воют и плачут метели.

Казачьи клянут окаянные дни
И ждут облегченья походу,
Весной, наконец, увидели они
Большую амурскую воду.

И сразу забыты мороз и туман,
Ночлег по-звериному — в яме.
Казачьи кричат: «Погляди, атаман,
Какая река перед нами!»

Вздывается солнце, и пар над рекой
Колелется в розовых клубах.
Встал в лодке Поярков и машет рукой:
«Подайте серебряный кубок!»

Другое ему назначенье дано —
Быть вечной утехой народу.
Но нынче, казаки, я пью не вино,
А эту холодную воду».

Воды зачерпнув после речи такой,
Он пил ее жадно и долго.
«Пусть будет Амур нашей русской рекой,
Как старая матушка-Волга!»

Себя осенил он трехкратным крестом,
А люди, что вместе служили,
К заветному кубку припали потом
И головы обнажили.

И слава пришла к золотому венцу...
С тех пор этот кубок старинный
От прадеда к деду, от деда к отцу
Идет чередою былинной.

Но так уже было заведено
С пояркового похода:
Из кубка не красное пили вино,
А чистую светлую воду.

И люди, которым в былые года
Тот кубок с водой подносили,
Сомнений не знали уже никогда
В его чудодейственной силе...»

...Умолк албазинец, в мечту погружен,
И все задымили из трубок,
И ждали, что дальше поведает он
Про этот серебряный кубок.

Старик покурил и продолжил рассказ —
Былину о времени строгом:
«То место, где эта застава сейчас,
Казачи называли острогом.

Уже не Поярков с ватагой друзей
Гнал кочи свои против бури,
А смелый Хабаров — казак Ерофей —
Стоял на великом Амуре.

И там, где дауры князьку Албаза
Дары из тайги приносили,
Построил он крепость — и слух, и глаза
Своей дальнорской России.

Однажды шесть тысяч маньчжурских солдат,
Как туча, сошлись над острогом,
И триста казаков прогнали назад
Все войско по диким дорогам.

Но люди не видели битвы такой,
Как эта жестокая битва:
Там слышались крики и плач над рекой,
И громкая чья-то молитва.

И кто передаст и расскажет векам,
Как в пекле отчаянных рубок
От воина к воину шел по рукам
Казачий серебряный кубок?

Его наполняли амурской водой,
Как медом — боярскую чашу.
И досмерти бился казак молодой
За родину славную нашу...

Грохочет и стонет, в теснинах зажат,
Амур между бивней Хингана.
Давно наши предки в могилах лежат.
Их слава встает из тумана.

Весь берег — в холмах позабытых могил,
Но только идет вкруговую
Тот кубок, что нам человек сохранил,
Как древности память живую.

Острогов не стало — в глубоких лесах,
Где вольные прятались люди,
Два века подряд албазинский казак
Искал утешенья в сосуде.

...Я сам — землеша, но старый отец
Дал сердце с казацкою кровью.
Когда он почуял свой смертный конец —
Меня подзвал к изголовью:

«Мой сын и наследник! — шептали в бреду
Его помертвелые губы: —
Я отжил свое и в могилу сойду,
Храни мой серебряный кубок.

Еще в старину, когда русский казак
Стрелял по врагу из пищали
И кремень сверкал у него на глазах,
Нам деды его завещали.

Мы сами искали и черпали в нем
И доблесть свою, и отвагу,
Что крепче железа стоит под огнем,
И верность российскому флагу.

Возьми же мой кубок!
С ним вместе пройдешь
Солдатскую нашу науку,

А если от вражеской пули умрешь —
Пускай он достанется внуку!..»

Рассказчик опять свою трубку набил,
Себя оборвав с полуслова,
К бойцу подошел, у него прикурил
И начал рассказывать снова:

«Был только единственный сын у меня,
Но парень в минувшее лето
Погиб от немецкого злого огня
Под Новгород-Северским где-то.

Вы видите сами — недолго и мне
Ходить по зеленой дороге,
Смотреть на березы в родной стороне,
На эти холмы и отроги.

Но если бы дуб не оставил корней —
Не вырос бы лес после бури.
Я знаю — немало моих сыновей
Стоит, как всегда, на Амуре.

Я вам этот кубок сегодня даю,
Чтоб вы сохранили навеки
И русское солнце в родимом краю,
И русские земли, и реки...».

Закончил рассказ албазинец седой.
Из рук его — старых и грубых,
Знакомых с винтовкой, трудом и бедой, —
Три воина приняли кубок.

Такая стояла вокруг тишина,
Что слышал начальник заставы,
Как ласково плещет в Амуре волна,
Как шепчутся листья и травы.

Он кубок поднял над своей головой
С амурской холодной водою
И выпил ее, как напиток живой,
Что сил прибавляет герою.

По кругу серебряный кубок пошел:
Дозорный, что был в карауле,
Сержант, что в дозор отделенье повел, —
Все к этому кубку прильнули.

Не так ли и прадеды, в тесном кругу,
Старинный сосуд поднимая,
Клялись не сдавать никакому врагу
Ни пяди родимого края?

Ушел албазинец дорогой своей.
Он знал, что ни грозы, ни бури
Во веки веков для его сыновей
Не будут страшны на Амуре.